

Геополитизация внешнеэкономической политики ЕС

УДК:339.9(4); ББК:65.9(4); М152
DOI: 10.24412/2072-8042-2023-7-91-101

*Анна Алексеевна МАКАРОВА,
ORCID: ID:0000-0001-7699-2243*

*Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук
(117997, РФ, Москва, Профсоюзная ул., 23),
Сектор внешнеэкономической политики,
Отдел глобальных экономических проблем и
внешнеэкономической политики - младший научный
сотрудник, e-mail: a.makarova@imeto.ru*

Аннотация

Анализируются подходы ЕС к снижению зависимости Союза от импорта стратегически важных товаров. Показано, что принимаемые меры направлены на защиту общего рынка в тех отраслях, где конкурентоспособность ЕС зависит от внешних партнеров, и поощрение инвестиций европейских компаний в новые стоимостные цепочки. Делается вывод, что критерии отбора торговых и инвестиционных партнеров основаны на соображениях геополитики в обход принципа недискриминации. Однако пространство для маневра ЕС ограничено. В усиливающейся конкурентной борьбе за стратегические ресурсы Китай, США и другие страны развитого мира также проводят хищническую внешнеэкономическую политику. В этих условиях размен надежных и выгодных региональных партнеров в угоду геополитике видится сомнительной сделкой и не способствует повышению конкурентоспособности ЕС.

Ключевые слова: ЕС, внешняя торговля, ПИИ, открытая стратегическая автономия, критическое сырье, национальная безопасность.

Geopoliticization of EU External Trade Policy

Anna Alexeevna MAKAROVA,

ORCID: ID:0000-0001-7699-2243

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation),
Section for the Foreign Economic Policy, Department of Global Economic Problems
and Foreign Economic Policy - Junior Research Fellow, e-mail: a.makarova@imemo.ru*

Abstract

The EU approaches to reducing the Union's dependence on imports of strategically important goods are analyzed. It is shown that the efforts and measures are aimed at protecting the common market in those sectors where the EU competitiveness depends on external partners, and at encouraging European companies to invest in new value chains. It is concluded that the criteria for selecting trade and investment partners are based on geopolitical considerations, bypassing the principle of non-discrimination. However, the Union's room for maneuver is limited. With the increasing competition for strategic resources, China, the United States, and other developed countries might expand the use of "predatory" practices in their external trade policies. Under these conditions, the bargain of trading off reliable and profitable regional partners for the sake of geopolitics seems dubious and could affect adversely the competitiveness of the EU.

Keywords: EU, foreign trade, FDI, open strategic autonomy, critical raw materials, national security.

Международная торговля и инвестиции всегда были политическим вопросом, причем настолько, что стремление развитых наций предоставить свободу для иностранных товаров и капиталов в начале 1980-х политологи трактовали как нечто невообразимое, как «политическую аномалию»¹. Вскоре их опасения по поводу возникновения хаоса вследствие предполагаемого дерегулирования угасли. Преимущества открытия новых рынков и переноса производств могли быть точно посчитаны и просчитаны, а возможные риски хеджировались. Гарантами выступали глобальные институты регулирования. Свободная торговля и инвестиции стали ключевыми инструментами планируемой западным неолиберальным блоком глобальной перестройки и трансформации политической природы государств.

Впрочем, и среди национальных правительств не возникло желания слепо следовать постулатам неолиберальной парадигмы. В ЕС подобное сопротивление национальных правительств ведется сразу по нескольким фронтам. С одной стороны, страны-члены находятся в постоянном переговорном процессе на межправительственном уровне относительно объема и контекста торговых мандатов ЕС, таких как культурное исключение, товарная пропаганда ЛГБТ и прочие. С другой

стороны, государства-члены сопротивляются полной передаче торговых и инвестиционных полномочий на наднациональный уровень, отстаивая свои интересы и промышленность, как, например, в случае с антиросийскими санкциями ЕС и атомной отраслью во Франции, Болгарии и Венгрии.

В то же время степень политизации внешнеэкономической политики ЕС различается между государствами-членами в рамках понимания и принятия происходящих процессов европейской общественностью. То, что представляется важным одним, может совсем не интересовать других. В то время как сотни тысяч активистов прошли маршем по улицам Берлина и Барселоны, чтобы осудить процесс урегулирования споров между инвесторами и государством в 2016 году, лишь единицы протестовали в Финляндии, Греции или даже во Франции². В 2022 г. политизация европейской общественности стала более сосредоточенной и масштабной. Тысячи сторонников партии AfD (Альтернатива для Германии) вышли на улицы в знак протеста убивающей экономику геополитической позиции левоцентристского коалиционного блока, но лишь сотни левых контрдемонстрантов отреагировали на это ответным демаршем. В преддверии зимы 2023 г. крупные волны протестов, осуждающих близорукость экономической политики ЕС, прокатились по Бельгии, Франции, Испании, Италии.

Одна из главных причин вышеперечисленного – неолиберальный курс, который в благоприятных условиях развития глобализации в конце XX – первом десятилетии XXI в. открыл для ЕС новые рынки и вместе с тем породил конкурентов, превосходить которых экономически обоснованными методами (например, передовыми инновациями) все сложнее. Очевидно, что в этом противостоянии с «неправильными» режимами мирными средствами развитый блок потерпел поражение. В то время как переговорная мощь ЕС постепенно уменьшалась, сила ряда развивающихся стран, наиболее задействованных в международном разделении труда и ГСЦ, росла. В частности, проведя 35 раундов переговоров по инвестиционному соглашению между ЕС и Китаем, на финишной прямой процесс застыл. ЕС так и не удалось склонить Китай к изменению политики Поднебесной в отношении прав человека. В то же время сам Китай стал апологетом нового витка либерализации торговли и инвестиций, продвигая китайское видение будущего мироустройства через ВРЭП, ВТО, ШОС и другие многосторонние площадки.

По мере того как экономический разрыв между развитым миром и развивающимся блоком стран, основных бенефициаров глобализации, сокращался, политическая сторона вопроса дальнейшего развития международной торговли и инвестиций становилась все более «геополитической». При этом замена повлекла за собой и подмену смысла используемого термина. Забывая о естественной географии, объясняющей, почему соседям выгодно и удобно развивать торговые и инвестиционные связи, в ЕС идее «геополитизации экономики» стали все чаще

придавать некий стратегический смысл, нередко с негативной коннотацией, чтобы как-то охарактеризовать текущий внешнеполитический курс государственного управления, где внешнеэкономическая политика стала частью соперничества за власть³. Защищая «геополитическую» комиссию, Урсула фон дер Ляйен заявила, что Европейский союз вышел за пределы своих экономических и технократических рамок, готов теперь взять на себя ответственность, укрепить свою власть и соизмерить себя с новым глобальным балансом сил.

Подобное уже звучало из уст первых лиц европейской консолидации. Возвращаясь на десятки лет назад, отметим, что главную цель создания общего европейского рынка его прародитель Ж. Монне видел во встраивании разрозненной Европы в новую послевоенную реальность, а не в экономических преимуществах интеграции⁴. Того требовал сам контекст переживаемой эпохи двух мировых войн по вине европейских стран. Однако справедливо задаться вопросами насколько такой подход рационален сегодня и способен ли он, по крайней мере, сохранить имеющиеся конкурентные преимущества ЕС.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОКРЫТОСТЬ

Наличие озабоченности государств сферой защиты национальных интересов и безопасности понятно и оправданно. В то же время, очевидно, что эта обеспокоенность должна иметь разумные границы, правовые рамки и не должна способствовать негативной тенденции секьюритизации внешнеэкономической политики стран.

Среди научных публикаций данному вопросу посвящено большое количество работ, и не в последнюю очередь из-за многолетней проблемы расплывчатости формулировки соответствующей оговорки ст. XXI ГАТТ. Ярким примером могут служить дискуссии вокруг американского закона Хелмса-Бертона 1996 г., направленного против экспорта и импорта прямых инвестиций на Кубу из соображений национальной безопасности, который в 2019 г. вступил в полную силу несмотря на осуждающую позицию со стороны ЕС. Примечательно, что в начале того же года в Апелляционном органе ВТО впервые обозначился позитивный сдвиг в конкретизации факторов, определяющих подпадают ли действия государства под исключение или нет⁵, но уже в конце 2019 г. США лишили ВТО функции разрешения споров, заблокировав назначение арбитров.

Хотя национальная безопасность является общим знаменателем при разработке политики экономической безопасности, ее интерпретация субъектами и сфера применения различаются (см. таблицу 1). Так, конфронтационному подходу США можно противопоставить более сдержанный курс Южной Кореи и Японии, хотя последняя является пока единственной страной, имеющей соответствующий государственный институт в лице министра экономической безопасности.

Таблица 1

Меры защиты экономической безопасности по ряду стран

	США	ЕС-27	КНР	Япония	Южная Корея
Скрининг импорта ПИИ	Сильные	Умеренные*	Сильные	Умеренные	Умеренные
Скрининг экспорта ПИИ	В разработке	Нет**	Умеренные	Нет***	Нет***
Экспортный контроль	Сильные	Сильные	Умеренные	Сильные	Сильные
Защита данных и кибербезопасность	Сильные	Сильные	Сильные	Сильные	Сильные
Регулирование иностранных субсидий	Сильные	Сильные	В разработке	В разработке	В разработке

Источник: составлено автором

* *подлежит пересмотру в 2023 г.*

** *подлежит обсуждению в 2023 г.*

*** *за исключением отдельных аспектов деятельности транснациональных банков, продукции двойного назначения и нелегального бизнеса.*

В ЕС выработка общего подхода к политике экономической безопасности происходит сложнее. Учитывая традиционную разногласность, наднациональные органы должны исходить из того, во-первых, как примирить совершенно разные точки зрения, во-вторых, из объема их собственных полномочий, в-третьих, как увязать возможные реформы с европейскими ценностями, через пропаганду которых ЕС долгие годы пытался «управлять глобализацией».

Результаты этих усилий вылились в так называемую концепцию «открытой стратегической автономии» (ОСА). Не вдаваясь в разбор того, стоит ли осуждать такое название, считая последнее оксюмороном, что в общем-то отчасти справедливо, отметим, – задаче примирить различные точки зрения (хотя бы на вербальном уровне), начиная со сторонников сильной промышленной политики и заканчивая теми, кто хочет сохранить открытость в качестве гарантий конкурентоспособности и притока инноваций, оно отвечает.

Вторая координата исходного положения ОСА – учредительные договоры ЕС. Ограничение свободы перемещения ПИИ в целях защиты национальной безопасности там, где это не накладывается на общеевропейскую безопасность, – прерогатива стран-членов. По этой причине, даже несмотря на то, что после вступления в силу Лиссабонского договора Европейская Комиссия (ЕК) расширила свою компетенцию в области общей торговой политики до ПИИ, ЕС не обладает всей пол-

нотой власти во внешнеэкономической политике. Например, механизм скрининга импорта ПИИ в ЕС предполагает координацию действий между национальными правительствами и ЕК, но окончательное решение пропускать сделку или нет за странами-членами. То же самое наблюдается и в обратном направлении: полномочия ЕС в защите европейских ПИИ за рубежом ограничиваются переговорами и разработкой международных инвестиционных соглашений с их последующим голосованием в Европейском парламенте, но вступление в силу этих соглашений допустимо только после ратификации всеми странами-членами (как, например, в случае с инвестиционным соглашением между ЕС и Вьетнамом, которое успешно прошло парламентские слушания в 2019 г., но до сих пор не ратифицировано более чем десятком стран-членов).

Что касается третьей составляющей – экспорта европейских ценностей через открытую и справедливую торговлю, то вера в это в ЕС и в национальных правительствах сильно пошатнулась во время коронакризиса, когда наблюдалось нарушение цепочек поставок, сильная инфляция и простои производства. В первые месяцы вспышки страны-члены резко ограничили доступ к национальным рынкам даже в пределах ЕС, что отразилось на сплоченности единого рынка. В качестве ответа на риски и неопределенность ЕК предложила лучше понять, где находятся нынешние и возможные будущие стратегические зависимости Европы для устранения таких стратегических зависимостей при сохранении открытой и основанной на торговле экономики ЕС⁶.

С этой целью ЕС хочет создать новые или укрепить действующие международные партнерства со странами-единомышленниками, которые потенциально смогут заменить существенно потерянные рынки (в первую очередь, РФ) за счет диверсификации цепочек поставок и перехода на возобновляемые источники энергии. Мониторинг ЕС таких стратегических зависимостей в 14 наиболее чувствительных экосистемах показал, что основным зарубежным импортером для 137 продуктов, которые определены в обновленной промышленной стратегии ЕС как «сильно зависимые», является Китай (52%). С точки зрения стадий обработки около 16% наиболее зависимых от иностранного происхождения продуктов составляют критическое сырье (например, бериллий, кобальт, литий, алюминий, хром, никель, молибден, марганец, ферросплавы), около 57% – промежуточные товары (постоянные магниты, химикаты, АФИ-антибиотики, витамины, гормоны) и около 27% – конечные товары (например, электрические аккумуляторы, электродвигатели, приемники радиовещания, ноутбуки, мобильные телефоны).

ПЕРСПЕКТИВЫ СНИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ЕС ПО РЯДУ КЛЮЧЕВЫХ ТОВАРОВ

На долю Европы приходится всего 5% мировой добычи полезных ископаемых, и это единственный регион в мире, где горнодобывающая промышленность пада-

ет⁷. ЕС в настоящее время оказывает беспрецедентную финансовую поддержку проектам, направленным на разработку месторождений и расширение цепочек поставок критически важных товаров в Европе. Специально для этих целей были созданы Европейские промышленные альянсы аккумуляторов и сырья, однако до сих пор такие попытки часто были неудачными.

Так, из-за геологической доступности ЕС останется зависимым от импорта стратегических химикатов, возможность замещения которых в ЕС крайне маловероятна. Наиболее пристальное внимание здесь сосредоточено вокруг 6 таких химикатов (йод, фтор, диоксид молибдена, оксид лития, фосфор и вольфраматы), 3 из которых (оксид лития, фосфор и вольфраматы) определены как «имеющие стратегическое значение» как для двойного перехода, так и для обеспечения обороны и безопасности ЕС⁸ и на 90% зависимы от импорта.

Проведенный нами анализ свидетельствует, что показатель концентрации рынка по импорту в ЕС оксида лития, фосфора и вольфраматов (индекс Херфиндаля – Хиршмана) изменился в 2022 г. по сравнению с 2018 г., но диверсификации стран-импортеров не произошло. Вместо этого количество зарубежных поставщиков либо сократилось, либо сократилась доля одних при сильном росте доли других (в частности, доля в США в импорте ЕС оксида лития выросла с чуть более 6% в 2018 г. до 22, 5% в 2022 г.), т.е. фактического снижения зависимости от импорта этих стратегически важных химикатов не случилось (см. таблицу 2).

Таблица 2

Концентрация импорта в ЕС

Страны – импортеры вне ЕС	2018 (кг)	2022 (кг)	Рост (2018 г. - базовый)	Концентрация импорта	
				2018	2022
HS6 282520 - Lithium oxide and hidroxide					
США	142 418	1 019 943	616%	6,34%	22,58%
РФ	1 360 103	1 362 797	0,20%	60,50%	30,17%
Китай	129 224	1 372 853	962%	5,75%	30,39%
Чили	450 229	588 880	31%	20,03%	13,03%
Зимбабве	146 500	143000	-2,40%	6,52%	3,17%
Индекс Херфиндаля-Хиршмана	4 135	2523			
HS6 280470 - Phosforus					
Казахстан	66530766	28476891	-57,20%	75,2%	82,8%
США	2100	113267	5293,67%	0,0%	0,3%
Вьетнам	19583130	5083610	-74,04%	22,1%	14,8%
Япония	162533	2470	-98,48%	0,2%	0,0%

Страны – импортеры вне ЕС	2018 (кг)	2022 (кг)	Рост (2018 г. - базовый)	Концентрация импорта	
				2018	2022
Китай	1978711	681076	-65,58%	2,2%	2,0%
Индия	201862	14000	-93,06%	0,2%	0,0%
Индекс Херфиндаля- Хиршмана	6148	7078			
HS6 284180 - Wolframates					
Вьетнам	965686	15028	-98,4%	41,2%	4,8%
США	84408	901	-98,9%	3,6%	0,3%
РФ	954	0	-100,0%	0,0%	0,0%
Япония	316	811	156,6%	0,0%	0,3%
Индия	8115	3681	-54,6%	0,3%	1,2%
Китай	1285753	294614	-77,1%	54,8%	93,5%
Австралия	308	187	-39,3%	0,0%	0,1%
Индекс Херфиндаля- Хиршмана	4713	8766			

Источник: рассчитано автором по UN Comtrade Database [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://comtradeplus.un.org/>

Что касается изменений в отношении китайского импорта в ЕС, то рестрикции со стороны Союза здесь не наблюдаются. Однако это не означает сворачивания политики сдерживания КНР. Действительно, доля Китая выросла в поставках оксида лития – ключевого химического элемента в осуществлении зеленого и цифрового перехода ЕС, а также в поставках вольфрамов, но, в первую очередь, мы это связываем с уроками пандемии COVID-19, устойчивостью европейского производства, завязанного на критически важном сырье, и формированием запасов этого сырья на территории ЕС.

Объем поставок оксида лития из РФ в 2022 г. также не сократился. Здесь следует напомнить, что сегодня Россия имеет возможности лишь для переработки импортного сырьевого лития, перебои поставок которого наблюдались еще с начала 2022 года.

В то время как ЕС говорит о своих зависимостях, связанных с ними геополитической напряженностью и способах их нивелирования, другие выбирают более конструктивный характер сотрудничества и создают союзы. ЕС – далеко не единственный конкурент в гонке за стратегическое сырье и полуфабрикаты. Ту же цель

преследуют США, Канада, Австралия или Япония. Например, англо-австралийский горнодобывающий гигант *Rio Tinto* уже пробовал получить долгосрочную концессию на разработку лития в Сербии (в 2022 г. лицензия была отозвана правительством Сербии из-за забастовок экологов и ухудшения отношений между Белградом и Канберрой⁹). В 2021 г. США получили от президента В. Зеленского права на разведку и добычу трех доказанных крупнейших месторождений лития в Европе на Украине. Во многих горнодобывающих регионах Африки и Латинской Америки в настоящее время обсуждаются вопросы укрепления регионального сотрудничества. В частности, в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA), где наблюдается сильное китайское инвестиционное присутствие, идет обсуждение создания региональных кластеров обрабатывающей промышленности, которая заменит поставки первичного сырья товарами с более высокой добавленной стоимостью¹⁰.

ВЫВОДЫ

Экономическое обоснование как международной торговли, так и инвестиций основано на сравнительных или конкурентных преимуществах. Страны могут специализироваться на той или иной роли в цепочке создания стоимости, опираясь на свои природные ресурсы, исследовательскую инфраструктуру, рабочую силу (специализированную или недорогую) или ключевое место в торговле и накопленном капитале (экономическую мощь). Фирмы также решают, куда и сколько им инвестировать в зависимости от этих преимуществ.

Современный мир претерпевает глубокие экономические и политические потрясения, которые, во всей видимости, будут иметь далеко идущие последствия. Они изменят сложившиеся цепочки поставок, усилив конкурентное соперничество и создав новые союзы. Развитые страны, разделившие когда-то свое влияние по блокам развивающегося мира, теперь вынуждены заходить на территории партнеров, проводить жесткую торговую и инвестиционную политику, основанную исключительно на экономических интересах.

В этих условиях у ЕС пространство для маневра только сокращается. Опираясь на геополитику, ЕС может окончательно потерять не только выгодные зарубежные рынки поставщиков и сбыта, но и рискует теми конкурентными преимуществами, которые определили его экономическую мощь у истоков европейской интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Rodrik D. The rush to free trade in the developing world. Why so late? Why now? Will it last? NBER Working Paper. 1992. P.12.

² Global Protest Tracker. URL: <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker> (дата обращения: 20.03.2023))

³ Meunier S., Nicolaidis K. The geopoliticization of European trade and investment policy // J. Common Mkt. Stud., 2019. V.57. P.107

⁴ Monnet J. A ferment of change //J. Common Mkt. Stud. 1963. V. 1. №. 3. P. 210

⁵ Речь идет о решении Экспертной группы ВТО по жалобе Украины против российских «Мер в отношении транзитных перевозок». Решение было принято в пользу РФ. 5 апреля 2019 г. отчет группы был разослан членам. Выводы группы опирались на доказанность таких взаимодополняющих факторов, определяющих наличие угрозы национальной безопасности, как: 1) «приняты во время» 2) «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» 3) «необходимости» 4) «предполагает фундаментальное изменение обстоятельств, которое радикально меняет фактическую матрицу».

⁶ Strategic dependencies and capacities Accompanying the Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Commission staff working document. Brussels, 05.05.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=SWD:2021:352:FIN> (дата обращения: 20.03.2023)

⁷ Umbach F. Critical raw materials: Assessing EU vulnerabilities. 30.03.2021 URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/critical-raw-materials/> (дата обращения: 25.03.2023)

⁸ EU strategic dependencies and capacities: second stage of in-depth reviews. Commission staff working document. Brussels, 22.02.2022. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/48878> (дата обращения: 20.03.2023)

⁹ Sekularac I. Serbia revokes Rio Tinto lithium project licences amid protests. 21.01.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/retail-consumer/serbian-government-revokes-rio-tintos-licences-lithium-project-2022-01-20/> (дата обращения: 12.02.2023)

¹⁰ См. подробнее Макарова А. А. Трансформация подходов инвестиционной политики в сфере реализации инфраструктурных проектов в ЮАР // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 4. С. 615.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Загашвили В.С. Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т.66, № 4.С. 5-13. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-5-13> @@ Zagashvili V.S. E`konomicheskaya globalizaciya i regional'naya integraciya v postkovidnyu e`poxu // *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya*. 2022. T.66, № 4.S. 5-13. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-5-13>.

Макарова А. А. Трансформация подходов инвестиционной политики в сфере реализации инфраструктурных проектов в ЮАР // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022. Т. 13, № 4. С. 610-625. DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.4.610-625 @@ Makarova, A. A. Transformaciya podxodov investicionnoj politiki v sfere realizacii infrastruktorny`x projektov v YuAR // *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*. 2022. T. 13, № 4. S. 610-625. DOI:10.18184/2079-4665.2022.13.4.610-625.

Спартак А.Н, Чекина Т. Н. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. №2. С. 8-46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46 @@ Spartak A.N, Chekina T. N. Torgovo-e`konomicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Evropy` do i posle nachala special`noj voennoj operacii // *Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik*. 2023. №2. S. 8-46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46.

Jacoby W., Meunier S. Europe and the management of globalization // *Journal of European public policy*. 2010. V.17. №. 3. P. 299-317. <https://doi.org/10.1080/13501761003662107>

Lefebvre M. Europe as a power, European sovereignty and strategic autonomy: a debate that is moving towards an assertive Europe // *Foundation Robert Schuman*. 2021.P.10

Meunier S., Nicolaidis K. The geopoliticization of European trade and investment policy // *J. Common Mkt. Stud.*. 2019. V.57. P.103-113

Monnet J. A ferment of change // *J. Common Mkt. Stud.* 1963. V. 1. №. 3. P. 203-211.

Rodrik D. The rush to free trade in the developing world. Why so late? Why now? Will it last? *NBER Working Paper*.1992. P.48

Rugman A. M., Li J., Hoon Oh C. Are supply chains global or regional? // *International Marketing Review*. 2009. V. 26. №. 4/5. P. 384-395.

